

89/7.09
с/1

П. Коганъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

СОВРЕМЕННОИКИ

ВЫПУСКЪ II.

Л. Андреевъ. — К. Бальмонтъ. — В.
Брюсовъ. — И. Бунинъ. — А. Блокъ. —
„Навы чары“ Соллогуба.

МОСКВА. — 1910.

П. Коганъ.

Очерки по исторіи

новѣйшей русской литературы

томъ третій.

современники

выпускъ II.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“.

МОСКВА.—1910.

891.7.04

d'

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Бальмонтъ.

III.

Андреевъ и Бальмонтъ. — Мотивы первыхъ стихотвореній: вопросъ небу въ духѣ Андреева, отчужденіе отъ земли, начало культа мечты и фантазіи.—Міросозерцаніе Бальмонта: культъ личности, ея отношеніе къ міру, эстетическое завоеваніе міра.—Почему бальмонтская школа оказалась блѣдной и недолговѣчной? — Пути къ мечтѣ: природа, любовь, эгоизмъ, ирраціональное, жизнь души.—Параллели на Западѣ: Ницше, Метерлинкъ, Гамсунъ, Шпибывшевскій. — Большой городъ и поэзія мгновеній. — Бальмонтъ—теоретикъ символизма.—Значеніе Бальмонта и причины упадка его таланта.

Андреевъ и Бальмонтъ! Казалось бы, что общаго можетъ быть между этими двумя писателями: поэтомъ безцѣльнаго и безпричиннаго ужаса и эстетомъ, пѣвцомъ солнца, красоты и любви. Нѣтъ ничего общаго, и въ то же время оно есть. Ихъ поэзія выросла изъ одного источника. Они оба вышли изъ вражды къ землѣ и оба искали спасенія въ небѣ. Одинъ бесплодно стремился туда, какъ Анатѣма злобно стучался въ „желѣзныя врата“ и, не достучавшись, ушелъ съ душой, полною отчаянія, съ истерическими воплями и проклятіями. Другой отъ гнета и страха предъ противорѣчіями жизни ушелъ въ свѣтлыя сферы фантазіи, отыскалъ путь къ небу въ эстетическомъ преображеніи міра, прошелъ всѣ пути, на которыхъ душа ищетъ освобожденія отъ гнетущей реальности, ищетъ выхода изъ противорѣчій жизни. Бальмонтъ тоже, прежде чѣмъ покинуть міръ, окинулъ его быстрымъ окомъ и не нашелъ на землѣ ничего, кромѣ свидѣтельствъ человѣческаго безсилія и загадочной жестокости Божества. Онъ тоже не пытался земными средствами и усиліемъ человѣческой

Воли разрѣшитъ противорѣчія жизни, привести въ гармонію запросы духа и видимую дѣйствительность.

Его первыя пѣсни—пѣсни о жестокой судьбѣ чело-вѣка, вопросъ, обращенный къ небу. Его первыя стихи—молитва, скорбный вопль о страданіяхъ земли, надежда на милость неба. „Боже, намъ горько, намъ страшно, намъ трудно“. Онъ не бросаетъ безсвязныхъ проклятій небу какъ Анатѣма, но по существу его жалобы, хотя и покорныя, его упреки, хотя и смиренныя,—все тѣ же вѣчныя упреки мистиковъ и фантастовъ, ищущихъ опоры за предѣлами умопостигаемаго міра. Онъ шлетъ жалобы Богу, Который „создалъ Рай, чтобъ изгнать насъ изъ Рая“, онъ молитъ Его „не искушать насъ безцѣльнымъ страданьемъ, не утомлять непосильной борьбой“. Онъ жалуется на то, что „имя Его непонятно и чудно“ („Молитва“).

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,

Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.

Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу неземную—

И приковалъ меня къ землѣ?

Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій,

Я говорю Тебѣ, Творецъ,

Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,

И ищемъ; гдѣ же нашъ Отецъ?

Когда-бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ внятно,

Я былъ бы радъ сіянью дня,

Но жизнь, любовь и смерть—все страшно, непонятно,

Все неизбежно для меня.

Великъ Ты, Господи, но міръ Твой неprivѣтенъ.

Какъ все великое, онъ нѣмъ,

И тысячи вѣковъ напрасенъ, безотвѣтенъ

Мой скорбный крикъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ?“

(„Зачѣмъ?“).

Онъ чуждъ землѣ такъ же, какъ и Андреевъ, хотя этотъ послѣдній много говоритъ о земныхъ страданіяхъ. Бальмонтъ откровеннѣе:

Людей родныхъ мнѣ далеко страданье,

Чужда мнѣ вся земля съ борьбой своей

(„Лунный свѣтъ“).

Онъ презираетъ жизнь. Она для него „нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній, холодный полумракъ безъ звуковъ, безъ огня“; она—болото, въ которомъ нѣтъ „ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣній, ни тьмы ночной, ни свѣта дня“. Онъ знаетъ, что „вездѣ насъ ждетъ печаль, мрачна юдоля земная“. Созерцая родныя картины, онъ видитъ въ нихъ лишь полусвѣтъ и полусумракъ, и его душу давитъ безконечная печаль.

Уже эти первыя пѣсни бальмонтовской музы проникнуты отчужденіемъ отъ земли. Въ нихъ скрыто равнодушіе къ человѣческому горю, характерное для мистиковъ и фантастовъ невниманіе къ жизни. Она—мрачна, горитъ кровью и неправдой, но поэту нѣтъ охоты разбираться въ ея мракѣ и мукахъ. Онъ просто отворачивается отъ нея въ ея цѣломъ. Правда, иногда у него вырываются стихи въ родѣ слѣдующихъ:

... я пойду впередъ безъ колебанья—

И въ знойный день, и въ ночь, и въ холодъ, и въ грозу:

Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,

Хочу я отереть хоть чью-нибудь слезу!

(„Уходитъ свѣтлый Май“).

Но эта неясная жажда дѣла, это безпрограмное стремленіе впередъ, это неопредѣленное желаніе кому-то чѣмъ-то послужить,—все это останется минутнымъ порывомъ, который совершенно заглохнетъ въ стремленіяхъ и порывахъ иного рода. Уже ранніе стихи Бальмонта отмѣчаютъ тотъ путь, на который онъ вышелъ впоследствии. Не въ отчаяньи, не въ истерическихъ вопляхъ, иногда ужасающихъ, иногда надоѣдливыхъ и скучныхъ, нашелъ онъ выходъ изъ мрака жизни. Онъ—создатель новой эстетической школы, новаго романтизма, который учитъ, что въ мечтѣ скрывается истинный путь къ освобожденію личности. Надъ мрачнымъ земнымъ міромъ онъ создалъ другой міръ,—міръ фантазіи,—и сталъ жить въ немъ. И у земли онъ

взялъ лишь то, что утоляло его тоску по прекрасной творческой личности, что помогало ему видѣть міръ съ высоты, преображать его по своей волѣ, что превращало его самого въ творца и Бога. Онъ любитъ лунный свѣтъ, потому что при этомъ свѣтѣ его душа стремится въ міръ иной, міръ сразу утрачиваетъ свой мрачный колоритъ, онъ бодрствуетъ надъ „міромъ безмятежнымъ“ и сладко плачетъ. Онъ ненавидитъ „гуль гигантскихъ городовъ“, любитъ природу и уединеніе лѣсовъ, потому что тамъ онъ внемлетъ музыкѣ незримыхъ голосовъ, тамъ „неустанный бѣгъ часовъ не возмущаетъ упоенья“. Подъ покровомъ этой романтической дымки, одѣвающей и преображающей міръ, ему жизнь уже не кажется печальной, и онъ готовъ любоваться ею, и ея радостями, и ея горестями. То, что представляется тягостнымъ и мрачнымъ вблизи, становится красивымъ и поэтическимъ, когда проходитъ черезъ мечту поэта: „какъ міръ хорошъ въ своей красѣ неожиданной, контрастовъ міръ съ улыбкой неземной, загадочный подъ дымкою туманной“. Онъ славитъ сладострастіе, и „ароматныя плечи“, и „упругія груди“, и „складки алькова“, потому что любовное опьяненіе помогаетъ ему унести отъ борьбы, отъ тоски, отъ проклятій, и онъ пьетъ какъ нектаръ „тревогу неземную“. Онъ съ радостью обращается къ свѣтлымъ днямъ дѣтства, потому что дѣти—творцы, они свободно творятъ міры, потому что въ тѣ времена онъ „міръ безгрѣшно любилъ“; это было тогда, когда онъ не былъ еще человѣкомъ, но когда уже богомъ онъ былъ.

Его путь обозначился. Это—путь къ преображающей мечтѣ, это—то творческое преображеніе міра, которое трудолюбивый выученикъ его школы Брюсовъ опредѣлил въ стихотвореніи „Золото“:

Изъ жизни медленной и вялой
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца.

Его поэзія — освобождающая мечта. Изъ природы изъ жизни и изъ души человѣка онъ взялъ только то, что освобождаетъ мысль отъ земли и помогаетъ ей уноситься въ несуществующій міръ. Чѣмъ полнѣе и громче звучали его пѣсни, тѣмъ безнадежнѣе умирали въ нихъ мотивы состраданія къ человѣческому горю, протесты противъ слезъ и крови, порывы воли, стремленіе къ активному вмѣшательству въ жизнь. Но зато тѣмъ яснѣе выдѣлялись ликующіе гимны, рожденные аристократической безопасностью и беззаботнымъ эгоизмомъ эстета. Въ своей поэзіи Бальмонтъ собралъ все, что усыпляетъ чувство земли и помогаетъ жить фантазіей. Равнодушно и небрежно обѣгаетъ его взоръ картины, которыя печальными стражами стоятъ у порога мечты и заграждаютъ входъ въ ея счастливое царство. Но съ любовью и радостью останавливается онъ на тѣхъ явленіяхъ, которыя еще не разгаданы и кажутся таинственными посредниками между землей и небомъ, свѣтлыми вѣстниками изъ далекаго міра. Въ этихъ явленіяхъ нашелъ онъ выходъ изъ гнетущаго зрѣлища земли и ея несовершенства. Онъ превратилъ міръ въ радостную поэму любви и свѣта и въ противоположность Андрееву создалъ представленіе о солнечномъ Богѣ, ясномъ и смѣющемся. Его Богъ не андреевскій мрачный, каменный истуканъ съ лицомъ, почти закрытымъ, тяжело придавившій землю. Его Богъ — другъ людей, пославшій имъ благодѣтельную мечту, освободительницу - фантазію, исцѣляющее сновидѣніе.

Внемлите, смертные Земли!
Я Тотъ, Кто былъ, Кто есть, Кто будетъ,
Чьи мысли бездну звѣздъ зажгли,
Кто блѣдной травки не забудетъ.
Любите, смертные, Меня,
Свою мечту боготворите,
Молитесь Митрѣ въ блескъ дня,
И ночью пойте гимнъ Танитѣ.

Зовите тысячью именъ
Того, Кто сердце вамъ пробудить,
Боготворите свѣтлый Сонъ,
Который былъ, и есть, и будетъ.

Если мы прослѣдимъ главные мотивы поэзіи Бальмонта, мы услышимъ въ нихъ всѣ голоса революціоннаго модернизма, возставшаго противъ разума и соціальнаго начала во имя творческой игры освобожденной личности. Еще до того какъ къ намъ проникли уайльдовскій эстетизмъ, метерлинковскій мистицизмъ, гамсуновское безуміе и ницшеанскій эгоизмъ, Бальмонтъ въ музыкѣ своихъ стиховъ воспѣлъ великій порывъ аристократическаго духа, мечтавшаго воздвигнуть примать личности надъ внѣшнимъ міромъ, и этимъ путемъ придти къ ея освобожденію для безцѣльной игры ея силъ.

Его поэзія—прежде всего культъ автономной личности, оправданіе аристократическаго эгоизма, обожествленіе своего я, вознесеніе его на ступень божества, творящаго міръ. Необузданный эгоизмъ, воспѣтый Бальмонтомъ, какъ бы ни смѣялись надъ дикими формами, въ которыя подчасъ облакаетъ его поэтъ, былъ неизбѣжнымъ выраженіемъ возрожденнаго романтизма, новымъ крикомъ личности, отторгнутой отъ жизни и внутри себя искавшей свободы. Въ „этомъ мірѣ“ все „тускло и мертво“. Ярко только „себялюбье безъ зазрѣнья“, прекрасно только „не видѣть за собою никого“. Люди—„мошки, славный пестрый рой“. Для поэта нѣтъ законовъ, разъ онъ — геній. Онъ силенъ „жесткимъ холодомъ презрѣнья“, онъ знаетъ только „прихоти мечты“, онъ все предастъ „для счастья созиданья роскошныхъ измышленій красоты“. Личность, жаждущая своего полнаго осуществленія, должна освободиться отъ всѣхъ „духовъ“. Для нея нѣтъ міра, его радостей и печалей, она не знаетъ страданія и интересовъ другихъ людей, она равнодушна къ результа-

тамъ своего эгоизма, къ тому дѣйствию, которое онъ производитъ внѣ автономной личности: „Но согрѣю я другого или я его убью, неизмѣнной сохранию я душу вольную мою“. И такъ же равнодушна она къ тѣмъ ударамъ, которые наноситъ ей жизнь и люди, прогоняющіе мечтателя сквозь строй. Какъ ни страшны ихъ крики, призывающіе палачей удвоить удары, онъ идетъ среди нихъ „какъ игрушка“, и его мучители смущены сознаниемъ, что онъ освященъ своей кровью. Какъ ни жестоки пытки, которымъ подвергаютъ его въ застѣнкѣ, онъ не разстается со своей дорогой мечтой и не видитъ врага въ палачѣ. Самъ палачъ потрясенъ его упорствомъ. Міръ и поэтъ враждебны другъ другу, но въ ихъ вѣковѣчномъ спорѣ трудно рѣшить, кто остается побѣдителемъ. Каждому свое, и часто мученичество творческой личности есть истинная побѣда, а могущество безсмертной пошлости остается тяжелымъ рабствомъ, гнетомъ побѣдителей, тѣхъ, кого Ницше называлъ *Vielzuvielen*. Кто побѣдилъ,—палачъ или жертва: „Я ли мученикъ? Можетъ быть, онъ? Переломаны кости. Хрустятъ. Но горитъ напряженный мой взглядъ“. Быть свободнымъ это значитъ быть поэтомъ. Люди не знаютъ освобождающей силы мечты. Они „некрасивы и блѣдны“, живутъ „въ мучительнотѣсныхъ громадахъ домовъ“, они „окованы памятью выцвѣтшихъ словъ, забыли о творческомъ чудѣ“. Рабы традиціи, оковывающіе цѣпями даже тѣхъ, кого они любятъ, они никогда не поймутъ, что жизнь глубока и прекрасна, потому что свобода опредѣляется способностью личности населять міръ образами, рожденными внутри ея собственной души, способностью эмансипироваться отъ вѣковыхъ представленій, усвоенныхъ извнѣ.

Я проклялъ васъ, люди. Живите въ потьмахъ,
Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни.
Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.
Вы къ казни идете отъ казни.

Таково отношеніе между творческой личностью и жизнью. Освобожденная, проклинаящая людей и оковы жизни, она ушла въ себя. И она сдѣлала это съ одной цѣлью: для того, чтобы не искать никакой цѣли. Ея прихоть—ея единственная цѣль. Она празднуетъ свою свободу веселыми молебнами во славу каприза. Она пользуется этой добытой свободой только для того, чтобы предаться игрѣ прихотей. Она сама себѣ высшій законъ. Какъ штирнеровскій „единственный“ она избрала „ничто“ своимъ пьедесталомъ. На этомъ „ничемъ“ она утверждаетъ себя. Она осуществляетъ тотъ идеаль, который завѣщалъ О. Уайльдъ въ своей странной книгѣ о социализмѣ, который эстетамъ представляется высшей формой человѣческой жизни, осуществленіемъ ея благороднѣйшаго назначенія: „Люди будутъ забавляться, наслаждаться культурой и покоемъ (въ чемъ и состоитъ истинное назначеніе человѣка,—а вовсе не въ трудѣ), будутъ создавать прекрасныя произведенія или же просто *безцѣльно станутъ съ восторгомъ и радостью созерцать міръ*“. Развѣ не эту программу безцѣльнаго и радостнаго созерцанія міра осуществляетъ Бальмонтъ?

Онъ—творецъ. Міръ для него прекрасенъ, потому что онъ самъ вкладываетъ въ его явленія содержаніе, подобно Тильтилю и Митиль, влагаетъ души въ бездушные предметы:

Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ,
Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.
Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Онъ влюбленъ въ себя, потому, что міръ, сотворенный имъ внутри себя, — единственный міръ, который онъ любитъ. Онъ вѣритъ, что онъ „въ нити завязалъ могучаго узла Добро и Красоту, Любовь и

Силу Зла, Спасеніе и Грѣхъ, Измѣнчивость и Вѣч-
ность“ въ свою блестящую включилъ онъ быстротеч-
ность. Онъ вѣритъ, что знаетъ сказки многихъ странъ
и тайну многихъ душъ, что онъ соткалъ въ звѣздный
хороводъ мгновенья нѣжной красоты, что онъ одинъ
умѣетъ взглянуть за край, когда всѣ другіе идутъ
по краю, вѣритъ въ свою бездонность, что ему открыто
скрытое въ пропастьяхъ и безднахъ, что ему „смѣется
тамъ блаженство, гдѣ другимъ грозитъ бѣда“. Онъ
противопоставляетъ себя „успокоенному и сонному“,
который убилъ мечту и ложь, „изсушилъ источники
жгучихъ, правдиво-яркихъ заблужденій“. Онъ—закля-
тый врагъ этого обитателя „дремотныхъ палатъ“, по-
тому что самъ живетъ всегда „среди пѣвучихъ сирено-
гибельныхъ видѣній“.

Онъ вѣритъ въ универсальное значеніе своего „я“,
потому что оно является единственною связующею
нитью между разрозненными явленіями міра, въ ко-
торыхъ влагаетъ связь и единство только оно. Онъ на-
зываетъ свою душу „всебожнымъ храмомъ“. Надъ
Бальмонтомъ много смѣялись. Внушала смѣхъ эта
самовлюбленность, досадное вниманіе къ прихотливой
игрѣ своихъ настроеній, любующійся собою капризь:

Я — внезапный изломъ,
Я — играющій громъ,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всѣхъ и ничей.

Но эти стихи, мелькающіе и сверкающіе, появляю-
щіеся и исчезающіе, какъ блески бѣгущихъ струй,
измѣнчиво отражающихъ солнце,—эти стихи исчерпы-
ваютъ всѣ поэтическія возможности, возникающія въ
безпечномъ аристократическомъ духѣ, который освобо-
дился отъ міра, побѣдилъ гнетущую дѣйствительность
путемъ ея эстетическаго преображенія. Они дѣлаютъ
Бальмонта творцомъ школы, но въ то же время са-
мымъ яркимъ воплощеніемъ безсилія и ограниченности,

которыя являются результатомъ бѣгства отъ земли. Невниманіе къ землѣ привело Андреева къ пессимизму и отчаянію, которыя въ его творествѣ завершились монотоннымъ и досаднымъ повтореніемъ яркихъ сначала воплей и проклятій испуганной души. Ужасъ, не обновляемый реальными картинами жизни, не питаемый углубляющимся проникновеніемъ въ ея безконечное разнообразіе, становится отвлеченнымъ и монотоннымъ. Въ словахъ, въ которыхъ онъ находитъ свое выраженіе, нѣтъ новыхъ красокъ, и этотъ ужасъ не пугаетъ больше какъ разъ навсегда застывшая форма. Такъ случилось съ Андреевымъ и его страхомъ. Къ тому же привела и поэзія Бальмонта. Его свѣтлыя капризы и пестрыя прихоти замелькали какъ разноцвѣтныя бабочки при первомъ его прикосновеніи къ дѣйствительности. Его стихи зазвучали какъ неслыханная причудливая музыка. И онъ упивался этими звуками, онъ не слушалъ голосовъ земли. Онъ любовался пестрыми красками, не изучая цвѣтовъ земли. И эти звуки и эти краски стали въ концѣ-концовъ ложью и трафаретомъ. Его свѣтлый Богъ, его прекрасное Солнце, приобрѣли застывшее выраженіе какъ и каменный жестокой Богъ Андреева. Гимнъ освобожденному я прозвучалъ въ первыхъ стихахъ Бальмонта освѣжающимъ громомъ революціонной трубы. Они были живительной грозой, разсѣявшей душную, насыщенную атмосферу. Имъ вторили другіе, а вскорѣ сталъ вторить и самъ ихъ творецъ. Воспѣвъ всѣ свои причуды, Бальмонтъ повторяетъ теперь самого себя, снова свидѣтельствуя о той истинѣ, что поэты, не обогащающіе своего кругозора изученіемъ дѣйствительности, утрачиваютъ самый могучій источникъ своего вдохновенія.

Бальмонтъ создалъ школу, и школу недолговѣчную и блѣдную, потому что ей почти нечего прибавить къ его поэзіи. Все то, что извѣстно подъ именемъ

русскаго модернизма, декадентства,—все это было либо развитіемъ, либо перепѣвами его идей. Идеи эти были не чѣмъ инымъ какъ новымъ порывомъ эстета закрыть міръ и дѣйствительность своею личностью. Онѣ были пѣснями фантаста, любившаго въ жизни только тѣ моменты, которые освобождали его душу отъ земныхъ цѣпей и давали ей иллюзію свободы. И такъ какъ средства опьяненія и забвенія даже въ наше изобрѣтательное время ограничены, то онѣ одинъ воспѣлъ всѣ восторги, рожденные ими. Его послѣдователи были только болѣе блѣдными подражателями. Вотъ почему такъ блѣдно было наше декадентство, и такъ недолго и такое жалкое существованіе влачилъ его органъ „Вѣсы“. Вотъ почему крупные и оригинальные поэтическіе таланты, въ родѣ И. А. Бунина, остались внѣ этого теченія, а В. Брюсовъ, обладающій трудолюбіемъ и знаніями, но лишенный непосредственнаго, ярко-оригинальнаго поэтическаго дарованія, умно и во-время покинулъ невыгодную позицію капризнаго баловня музъ. Эта позиція, на которой такіе богатые ростки дала поэзія Бальмонта, для его послѣдователей была недоступнымъ идеаломъ. И если самъ Бальмонтъ въ концѣ-концовъ истощился въ своей изобрѣтательности и, любуясь собою, договорился до того, что „сталъ онѣ звѣздою, палъ надъ водою, мысль съ молодую кровію сливъ“, если самъ родоначальникъ школы кончилъ тѣмъ, что „въ темныя ночи въ тайность вступилъ, вызвѣздилъ очи вѣяньемъ силъ“,—то подъ перомъ его послѣдователей въ этой области едва ли могло получиться что-нибудь иное кромѣ брюсовскихъ „блѣдныхъ ногъ“ и знаменитой козы. Вотъ почему нельзя не порадоваться, что наиболѣе нашумѣвшій изъ модернистовъ Брюсовъ отказался отъ революціонныхъ и новаторскихъ претензій и занялся изученіемъ исторіи и литературы, что позволило ему написать рядъ хорошихъ статей и стихотвореній на историческіе и литературные сюжеты.

Бальмонтъ былъ не только создателемъ новой эстетической школы. Онъ былъ самымъ всестороннимъ ея поэтомъ. Онъ могъ бы остаться ея единственнымъ представителемъ, и она потеряла бы очень не много. Онъ такъ полно выразилъ эту любовь личности къ своей собственной мечтѣ, такъ любовно раскрылъ и въ природѣ, и въ жизни тѣ явленія, которыя учатъ мечтать, что его послѣдователямъ не осталось ничего.

Въ природѣ онъ любитъ по преимуществу то, что напоминаетъ о порывѣ души къ творческой игрѣ, объ ея стремленіи въ высъ и въ область мечты. Онъ любитъ болотныя лиліи, потому что онѣ живутъ только для себя, потому что ихъ цвѣты, „проникаясь рѣшимостью твердою жить мечтой и достигъ высоты, распускаются съ пышностью гордою“. Онъ угадываетъ сны подводныхъ растений, которыхъ „манитъ міръ безвѣстной высоты“. Онъ чувствуетъ тотъ же порывъ въ волнахъ, которыя „рвутся къ дальней красотѣ“. Онъ любитъ тѣхъ пасынковъ природы, судьба которыхъ говоритъ ему о судьбѣ человѣка, прикованнаго къ землѣ и рвущагося къ безвѣстному. Ему чудится, что съ морского дна безмолвные упреки доносятся до ласковой луны о томъ, что эти области далеки отъ воздуха, отъ вольной вышины. Онъ поетъ о чахлахъ соснахъ: имъ хочется на горную высъ посягнуть, но цѣпкіе корни вѣдаются въ твердую грудь. Но онъ вѣрить, что чахла сосны къ Лазури дорогу найдутъ. И въ тишинѣ темнаго соннаго лѣса онъ находитъ тотъ же источникъ свободы, потому что и она вызываетъ къ жизни преображающую мечту, потому что въ этомъ царствѣ тишины вѣютъ сладостные сны. Вѣтеръ горъ и морей — его „вѣчный братъ“, потому протяжная пѣсня вѣтра увлекаетъ его къ освѣжительнымъ снамъ, и, слушая ее, онъ слышитъ „звонъ міровой“. Вѣтеръ говоритъ ему: „будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ“. Въ голосѣ моря онъ слы-

пить: „будь всегда полнозвучнымъ какъ я!“ Въ безмолвіи высокаго Солнца его душа подслушала: „гори!“ И больше всего онъ любитъ солнце, которому онъ посвятилъ циклъ своихъ пѣсенъ, призывая людей быть „какъ солнце“. Потому что солнце — символъ порыва къ неземному:

Будемъ какъ Солнце! Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злему,
Ярко стремимся мы во снѣ золотомъ.
Будемъ молиться всегда неземному
Въ нашемъ хотѣннiи земномъ!

Онъ населилъ природу своими собственными порывами и полюбилъ въ ней то, что учитъ мечтать, что усыпляетъ вниманіе къ земному и вызываетъ способность мечты. Онъ воспѣлъ любовь, какъ другой великій путь къ освобожденію. Онъ полюбилъ въ ней тоже освобождающую силу. Пѣвецъ прихотливой игры творческаго духа, онъ обѣгаетъ своимъ взоромъ весь міръ и повсюду ищетъ пріютовъ, въ которыхъ эта игра находитъ себѣ пищу.

Любовь есть свѣтъ, что сходитъ къ намъ оттуда
Изъ царства звѣздъ, съ лазурной высоты,
Она въ насъ будитъ жажду чуда
И красоты.

Въ предисловіи къ „De profundis“ Пшибышевскій говоритъ: „Такъ же какъ я ничего не могу подѣлать противъ того, что въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ откровенія души бывали исключительно въ области религіозной жизни, такъ же мало могу я измѣнить что-либо въ томъ фактѣ, что въ наше время душа проявляется только въ отношеніи половъ другъ къ другу“. Въ поэзіи Бальмонта любовь играетъ ту же роль. Она пробуждаетъ дѣятельность души. Если истинный идеаль челоуѣка заключается въ стремле-

ніи къ безконечному, въ творческой дѣятельности его личности, въ безцѣльной игрѣ прихотей, то любовь является величайшей изъ освобождающихъ силъ. Она разбиваетъ власть „духовъ“, какъ выражался Штирнеръ, т.-е. власть вѣковыхъ, извиѣ, а не изнутри своего духа усвоенныхъ представлений, она дѣлаетъ личность личностью, увлекаетъ ее къ осуществленію ея высшаго назначенія. Она даетъ смѣлость къ гибели, которая ожидаетъ все исключительное и индивидуальное въ мірѣ пошлости и нивелирующей прозы. Бальмонтъ — пѣвецъ этой освобождающей силы любви. Она — союзница мечты и поэзии. И въ ней цѣнить и любить онъ больше всего тѣ моменты, которые усыпляютъ чувство реального и будятъ ирраціональныя силы души. Онъ не любитъ „яркости чувства“, потому что въ ней уже „закатъ всѣхъ красокъ“. Онъ предпочитаетъ медлить „въ преддверьяхъ Искусства“, потому что въ начальныхъ исканіяхъ наивной души „есть много прозрачныхъ воздушныхъ мечтаній“, въ младенческихъ взорахъ слагаются „откровенія, въ которыхъ мы, прежніе, утренней жизнью живемъ“. Любовь—слиянiе съ вѣчностью, забвеніе земного: „Міръ отодвинулся. Надъ нами дышитъ Вѣчность. Морская ширь живетъ вліяніемъ Луны, я твой, моя любовь—бездонность, безконечность, мы отъ всего съ тобой свѣтло отдѣлены“. Съ своей возлюбленной онъ „говоритъ воздушностью мечты“. Онъ съ нею „внѣ предѣловъ“: „твой духъ свѣтло-прозрачный весь погруженъ былъ въ сонъ, а мой, нѣжнѣй, смѣлѣе, былъ въ этотъ сонъ влюбленъ“. Онъ знаетъ, что для „сказки любви“ нѣтъ благословенія отъ людей: „за то, что въ сладостной безцѣльности мы тайной связаны съ тобой, за то, что тонемъ въ безпредѣльности, непобѣжденные Судьбой;— за то, что наше упоеніе непостижимо намъ самимъ;— за то, что силою стремленія себя мы пыткамъ предадимъ;—за новый обликъ сладострастія,—душой безум-

ной и слѣпой,—я проклялъ все, — во имя счастья, во имя гибели съ тобой“. Онъ зоветъ „любовь золотую“, потому что она — освобожденіе, съ нею онъ можетъ „проститься съ добромъ и со зломъ“, умчаться въ безконечность „къ дворцу сверхземной красоты, гдѣ мигъ превращается въ вѣчность“. Онъ зоветъ ее потому, что хочетъ „несказанныхъ мгновений“, хочетъ „молиться свѣтиламъ нездѣшной страны“.

Въ унисонъ со всѣми европейскими модернистами Бальмонтъ поетъ гимны ирраціональному, въ которомъ видитъ высшее освобожденіе личности. Онъ одинъ воспѣлъ всѣ пути, которые указалъ европейскій модернизмъ. Мы видѣли, что подобно Ницше и Ибсену онъ прославилъ самодовлѣющую автономную личность, возвелъ аристократическій эгоизмъ и его враждебность земному въ культъ. Варьируя слова Бранда, онъ говоритъ: „Чѣмъ хочешь будь: будь добрый, злой, но будь же честенъ за игрой, явись—самимъ собою“. Какъ Единственный Штирнера, онъ заявляетъ: „вся Вселенная моя“.

Подобно О. Уайльду, онъ возвеличилъ ложь надъ правдой, мечту надъ дѣйствительностью, красоту надъ пользой. Какъ Доріанъ Грей, сдѣлалъ свою жизнь искусствомъ и свои дни своими сонетами, такъ и онъ вдали отъ земли, безпокойной и мгlistой, въ предѣлахъ бездонной, нѣмой чистоты, выстроилъ замокъ воздушно-лучистый, воздушно-лучистый Дворецъ Красоты. Какъ Доріану, ему нѣтъ дѣла до вѣчной людской суеты, ему ласково свѣтять иныя святыни, иныя святыни во Дворцѣ Красоты.

Подобно Пшибышевскому, онъ понялъ любовь какъ могучую силу, вызывающую къ жизни творческія силы души, открывающую путь къ постиженію вѣчнаго.

Подобно Гамсуну, онъ прославилъ бредъ и безуміе какъ освобождающія силы, раскрывающія тайны непостижимаго здѣсь на землѣ. И подобно Метер-

линку, онъ разсказалъ о двухъ мірахъ и о двухъ началахъ въ человѣкѣ, о дѣвѣ, которую „мучили сны, что есть неподводный предѣлъ, что можетъ быть въ мірѣ двѣ правды даны для душъ и для жаждущихъ тѣлъ“, — о томъ, что душа живетъ особой жизнью, живетъ непостижимостью, чужая для всѣхъ. Подобно пѣвцу „смиранныхъ“, онъ вѣритъ, что только душа живетъ въ общеніи съ тѣмъ высшимъ міромъ, въ которомъ „все болѣе значительно“, и звалъ къ безмолвію и уединенію отъ шума земли: „Кто услышалъ тайный ропотъ Вѣчности, для того беззвученъ міръ земной, — чья душа коснулась безконечности, тотъ на-вѣкъ проникся тишиной“. И подобно пѣвцу „смиранныхъ“, онъ вѣритъ, что люди—безумцы, не понимающіе, что они вращаются въ замкнутомъ кругѣ „и не слышатъ немолкнущій кличъ, отдаленный восторгъ Мірозданья“.

Въ общемъ поэзія Бальмонта—программа, евангеліе новаго романтизма, указаніе путей къ эстетическому преображенію міра. Эта поэзія—обзоръ тѣхъ уголковъ жизни, тѣхъ состояній души, въ которыхъ умолкаетъ сознаніе и разумная правда и торжествуетъ еще освобождающая ложь и властный экстазъ, изгнанные изъ земли вѣкомъ науки и соціальной борьбы.

Но у Бальмонта есть свой спеціальный уголокъ, гдѣ онъ—несравненный пѣвецъ, гдѣ онъ является единственнымъ поэтомъ среди модернистовъ, могучимъ выразителемъ современныхъ душевныхъ переживаній. И эта своеобразная, подчиненная ему сфера, является, быть можетъ, наиболѣе типичнымъ отраженіемъ состоянія извѣстной части общества. Бальмонтъ—поэтъ „миговъ“. Мгновеніе, мигъ, мимолетность — излюбленные слова его поэтического лексикона. Промышленная культура съ ея самымъ яркимъ воплощеніемъ въ формѣ огромныхъ городовъ развертываетъ передъ взоромъ современнаго человѣка картину бы-

стро смѣняющихся, мелькающихъ фигуръ и явленій. Жизнь несется съ такой головокружительной быстротой, что современному человѣку остается ловить налету обрывки впечатлѣній. Поразивъ одни умы своимъ скрывающимъ однообразіемъ, машинный вѣкъ поразили другіе быстрой смѣной тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ этой общей монотонной картины. Еще вѣкъ — полтора назадъ человѣчество не знало поѣздовъ-молній, извергающихъ въ городъ и увозящихъ изъ города тысячи пестрыхъ людей и разнообразныхъ интересовъ, создающихъ непрерывную смѣну, безпрестанно обновляющихъ живую человѣческую массу, поминутно мѣняющихъ краски и звуки. Оно не знало телеграфа, впечатлѣвающаго на небольшомъ газетномъ листѣ безчисленные ряды явленій, возникающихъ на всемъ земномъ шарѣ. Нашимъ предкамъ хватило бы на цѣлую жизнь тѣхъ впечатлѣній, которыя душой современнаго человѣка переживаютъ въ одинъ день благодаря прочитанной газетѣ, гдѣ въ торопливыхъ замѣткахъ расположены рядомъ трагедіи всего міра, подвиги самопожертвованія и ужасы злодѣйства, научныя открытія и художественныя событія, примѣры необузданной роскоши и картины потрясающей нищеты, народныя движенія и стихійныя явленія природы. Наши предки воспринимали впечатлѣнія медленнѣе и глубже, такъ какъ до ихъ души доходило въ тысячи разъ меньшее количество впечатлѣній. Современному обитателю большого города некогда задумываться. Не успѣетъ онъ остановиться на одномъ впечатлѣніи, какъ тысячи новыхъ отрываютъ его, тѣснятъ къ его душѣ, набѣгая другъ на друга, вытѣсняя другъ друга, едва позволивъ каждому коснуться души человѣка. Жизнь мгновеній породила поэзію миговъ. Уайльдъ — поэтъ мгновеній. Бальмонтъ создалъ культъ мимолетнаго. Быть можетъ, въ этой особенноти его поэзіи заключается ея главная притягательная сила, ея ве-

личайшее историческое значеніе. Новый романтизмъ по существу мало отличается отъ своего дѣда. Онъ усвоилъ его главные завѣты. Онъ поставилъ мечту выше дѣйствительности, онъ сохранилъ мистическую грезу о другомъ высшемъ прекрасномъ мірѣ, который раскрывается въ явленіяхъ дѣйствительности. Но онъ обновилъ и расширилъ пути, ведущіе къ сліянію человѣческой души съ этимъ потустороннимъ міромъ, уловилъ состоянія души, невѣдомыя его предшественнику, постигъ въ видимой дѣйствительности новыя явленія, приближающія къ вѣчному. И именно въ этомъ его связь съ современностью, въ этомъ его историко-культурное значеніе. Въ тѣ эпохи, когда отчаявшееся общество стучится въ Небо, зоветъ высшую силу къ себѣ на помощь, оно не только творитъ образъ этой силы сообразно со своимъ душевнымъ состояніемъ, оно и пути, приближающіе къ познанію ея сущности, отыскиваетъ въ тѣхъ моментахъ современной жизни, которые мы назвали бы мистическими моментами данной эпохи. Историческій процессъ, вѣчная смѣна формъ общественной жизни, требуетъ своихъ жертвъ въ лицѣ тѣхъ, которые не могутъ осмыслить этого процесса, которые, не уловивъ реальныхъ силъ будущаго и оторвавшись отъ сходящихъ со сцены силъ прошлаго, остаются внѣ всякой реальности и стремятся за ея предѣлы. Имъ нужны опьяняющіе наркозы, потому что дѣйствительность все еще напоминаетъ о себѣ, все еще говоритъ объ отсутствіи чуда. И они берутъ изъ этой дѣйствительности то, что усыпляетъ умъ и будитъ воображеніе. У каждой эпохи есть свои, такъ сказать, орудія мистицизма. Шатобріанъ видѣлъ тайны потусторонняго міра, когда слушалъ торжественную музыку подъ сводами католическаго храма. Новые мистики только въ рѣдкихъ случаяхъ ходятъ въ храмы. Наше время дало болѣе сильныя средства для того, чтобы настраивать душу

на мистическій ладъ, приподнимать передъ нею завѣсу вѣчности. Это — опьяняюще-быстрый темпъ жизни, стремительная смѣна впечатлѣній. Они создаютъ то возбужденіе, то одуряющее упоеніе, которое помогаетъ воображенію современнаго городского поэта. Создавать новыя связи вещей, рисовать новыя картины Вѣчности, въ тысячный разъ воспроизводя образъ потусторонняго міра въ новыхъ краскахъ, открытыхъ на землѣ. Они — орудія мистическаго возбужденія въ наше время, и мы не знаемъ поэта, который бы въ такихъ музыкальныхъ стихахъ выразилъ чарующую силу, для современной души скрытую въ мгновенности.

Все, на чемъ печать мгновенья,
Брызжетъ свѣтомъ откровенья,
Вѣетъ жизнью вѣчно-цѣльной
Дышетъ правдой запредѣльной.

Самый стихъ его звучитъ какъ аккомпаниментъ измѣнчивой порывистой музыкѣ современной жизни. Въ этомъ стихѣ отразилась пестрота и быстрота бѣгущихъ явленій и впечатлѣній. Смѣны ии змѣны жадно ловить онъ повсюду. Онъ не выбираетъ. Хорошо брать все, потому что во всемъ — измѣнчивость. Тьма и солнце не красивы одно безъ другаго:

Красенъ солнцемъ вольный міръ, черной тьмой хорошъ,
Я не знаю, день иль ночь, — правда или ложь.
Будемъ солнцемъ, будемъ тьмой, бурей и судьбой,
Будемъ счастливы съ тобой въ безднѣ голубой.

Онъ упоминаетъ о „сверканіи“ струны, справедливо называетъ свой стихъ „дрожющимъ“ и, сопоставляя его съ подвижностью легкой пѣны, говоритъ: „Я такъ люблю свои измѣны, какъ неизмѣнность всѣхъ своихъ“.

Онъ перелилъ эту жизнь мгновеній въ природу и въ любовь:

Влага только на мгновенья
Можетъ къ лотосу прильнуть,

Дастъ ему свое забвенье,
И опять стремится въ путь.
Лотось только на мгновенье
Принимаетъ поцѣлуй
И восторгъ прикосновенья
Перемѣнно быстрыхъ струй.
Мигъ блаженства, легкость ласки,
Вольно-слитныя сердца,
Прелесть призрачной завязки
И мгновеннаго конца.
Лотось послѣ быстрой ласки
Весь блеститъ, легко дрожа.
И вода въ подвижной сказкѣ
Обновленна и свѣжа.

Онъ и въ мечтѣ любить „измѣнчивость убранства“. Онъ не любитъ повторенія, потому что въ немъ „гаснутъ всѣ мечтанья“. И то, что онъ цѣнитъ выше всего — его сила преображать мѣръ по своей волѣ, — эта сила раскрывается въ мгновеньи. Безъ мгновенья ему незачѣмъ жить: „Когда же я сотру весь яркій свѣтъ мгновенья, къ себѣ я кликну Смерть и съ ней придетъ Забвенье“. Мечта освобождаетъ только черезъ мгновенья. Только въ нихъ можно постигнуть вѣчное.

Я не знаю мудрости, годной для другихъ.
Только мимолетности я влагаю въ стихи.
Въ каждой мимолетности вижу я міры,
Полные измѣнчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вамъ до меня?
Я вѣдь только облачко, полное огня.
Я вѣдь только облачко. Видите: плыву.
И зову мечтателей... Васъ я не зову.

Бальмонтъ не только поэтъ, но и теоретикъ символической школы. Онъ написалъ „Элементарныя слова о символической поэзи“. Онъ такъ опредѣлилъ различіе между реализмомъ и символизмомъ: „Если вы, отрѣшившись отъ наскучившей вамъ повседневности, одиноко сядете у большого окна, передъ которымъ,

какъ приливъ и отливъ, непрерывно движется толпа проходящихъ, вы черезъ нѣсколько мгновений будете втянуты въ наслажденіе созерцанія и мысленно сольетесь съ этимъ движущимся разнообразіемъ. Вы будете невольно изучать съ той быстротой, которая дается лишь возбужденіемъ, этихъ на мгновение возникающихъ, чтобы тотчасъ же скрыться, знакомыхъ незнакомцевъ. Въ мимолетныхъ улыбкахъ, въ случайныхъ движеніяхъ, въ мелькнувшихъ профиляхъ вы угадаете скрытые драмы и романы, и чѣмъ дальше вы будете смотрѣть, тѣмъ яснѣе вамъ будетъ рисоваться незримая жизнь за очевидной внѣшностью, и всѣ эти призраки, которымъ кажется, что они живутъ, предстанутъ предъ вами лишь какъ движущіяся тѣни, какъ созданья вашей собственной мечты. Они всѣ, наконецъ, сольются въ одинъ общій потокъ, управляемый вашей мыслью, и, воспринявъ красоту и сложность вашей души, образуютъ съ вами одно неразрывное цѣлое, какъ радіусы съ центромъ. Міръ станетъ фантазмагоріей, созданной вами, потому что вы слишкомъ долго и пристально смотрѣли на неистощимый потокъ людей, сидя у большого окна. Между тѣмъ, если бы вы находились сами въ этой толпѣ, принимая равноправное участіе въ ея непосредственныхъ движеніяхъ, неся ярмо повседневности, вы, пожалуй, не увидѣли бы въ этой толпѣ ничего, кромѣ обыкновеннаго скопленія народа, въ опредѣленный часъ на опредѣленной улицѣ. Таковы двѣ разныя художественныя манеры созерцанія, два различныхъ строя художественнаго воспріятія—реализмъ и символизмъ. Реалисты всегда являются простыми наблюдателями, символисты—всегда мыслители. Реалисты схвачены, какъ прибоемъ, конкретной жизнью, за которой они не видятъ ничего,—символисты, отрѣшенные отъ реальной дѣйствительности, видятъ въ ней только свою мечту, они смотрятъ на жизнь—изъ окна. Это потому, что каждый символистъ, хотя

бы самый маленькій, старше каждаго реалиста, хотя бы самага большого. Одинъ еще въ рабствѣ у матеріи, другой ушелъ въ сферу идеальности“.

Мы съ умысломъ привели эти строки цѣликомъ. Онѣ—лучшее свидѣтельство того, какъ трудно поэту, да еще поэту мимолетностей, пускаться въ теоретическія разсужденія относительно своего собственнаго творчества.

Казалось бы, здѣсь все ясно. Реалисты наблюдаютъ, символисты мечтаютъ, а потому старше реалистовъ. Но вчитайтесь въ разсужденія Бальмонта и вы увидите, что дѣло не такъ просто, какъ ему кажется. Прежде всего отмѣтимъ рядъ противорѣчій въ его опредѣленіяхъ того и другого направленія. Символисты у него съ одной стороны „отрѣшены отъ реальной дѣйствительности“, съ другой—„слишкомъ долго и пристально смотрятъ на потокъ людей“ и даже „изучаютъ“. Они съ одной стороны „мыслители“, съ другой стороны—дѣлаютъ изъ міра фантазмагорію. То же и съ реалистами: съ одной стороны они „захвачены, какъ прибоемъ, конкретной жизнью“, съ другой—они все-таки „наблюдатели“, „созерцаютъ“, такъ какъ Бальмонтъ говоритъ о двухъ „художественныхъ манерахъ созерцанія“. Вдумайтесь въ эти противорѣчія,— и вы увидите, что оба направленія по качеству вовсе не такъ уже противоположны другъ другу. И если они отличаются между собою, то только по количеству. Въ самомъ дѣлѣ, и тѣмъ, и другимъ не обойтись безъ жизни или, по терминологіи Бальмонта, безъ потока людей. И тѣмъ, и другимъ приходится наблюдать ее и даже изучать ее, хотя однимъ изъ окна, а другимъ среди самой толпы. Кромѣ того, ни символистамъ, ни реалистамъ, повидимому, не обойтись и безъ „созерцанія“. И тѣмъ, и другимъ нужно что-то привнести къ видимой дѣйствительности изнутри себя, изъ глубины своего собственнаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, если

человѣкъ, даже находясь въ толпѣ, однако не только „схваченъ конкретной жизнью какъ приборъ“, но и умѣетъ наблюдать ее, то онъ по качеству не отличается отъ того наблюдателя, который смотритъ изъ окна, въ особенности, если ему придется потомъ описать предметъ своихъ наблюденій. Онъ—тоже мыслитель, потому что тотъ, кто наблюдаетъ, уже мыслитъ. О немъ уже нельзя сказать, что онъ только захваченъ конкретной жизнью какъ приборъ. Наблюдать и описывать, созерцать, это уже значить привносить нѣчто изъ глубины своей души, овладѣвать видимыми явлениями. Ясно, что сущность различія между символизмомъ и реалистомъ не въ томъ, что одинъ мыслитъ, а другой просто захваченъ жизнью. И реалистъ, если онъ дѣйствительно наблюдаетъ, далеко не ограничится тѣмъ, что въ движущейся толпѣ видитъ только „скопление народа“; онъ не хуже, а можетъ быть, даже вѣрнѣе символиста прочтетъ въ этой толпѣ „скрытые драмы и романы“, а можетъ быть, кромѣ драмъ и романовъ многое такое, чего не замѣтитъ символистъ.

Ясно, что мыслятъ оба. Но въ одномъ Бальмонтъ правъ: они мыслятъ по-разному. Одинъ, засидѣвшись у окна, дѣйствительно въ концѣ-концовъ утрачиваетъ чутье жизни, замѣняетъ живыхъ людей созданными своей мечтой и „сложность“ своей души ставитъ на мѣсто видимой дѣйствительности. Другой, не выходя изъ толпы, сохраняетъ это чутье жизни, и между „очевидной внѣшностью“ и его мечтой не образуется та пропасть, которая отдѣляетъ жизнь отъ мечты символиста. Это различіе въ способахъ художественнаго воспріятія говоритъ въ пользу реалиста, и вотъ почему. Символистъ, сидящій у окна, слишкомъ занятъ своей душой, не имѣетъ возможности издали слишкомъ детально изучать потокъ людей и въ концѣ-концовъ утрачиваетъ самый важный источникъ своего вдохновенія, живую дѣйствительность. Люди дѣй-

ствительно сольются въ концѣ-концовъ въ общій потокъ, управляемый мечтой, и самая мечта, не получая новой пищи, становится однообразной, повторяетъ себя и утрачиваетъ свою красоту и силу. Между тѣмъ реалистъ, наблюдая въ самомъ потокѣ жизни, не замѣняя этой послѣдней своей собственной душой, получаетъ безконечный вѣчно смѣняющійся матеріалъ для своихъ идей. Онъ не только не младше символиста, какъ думаетъ Бальмонтъ, не только не въ рабствѣ у матеріи, а, напротивъ, онъ—истинный властелинъ ея, потому что онъ знаетъ ее и не пренебрегаетъ ею. Одинъ окинувъ ее поверхностнымъ взглядомъ, схвативъ нѣсколько сродныхъ его душѣ звуковъ и красокъ, затѣмъ навсегда уже погружается въ свою мысль. Другой вѣчно погруженъ въ матерію, изучаетъ ее и работаетъ надъ ней. Разница не въ томъ, что одинъ мыслить, а другой не мыслить, а въ томъ, что одинъ фантазируетъ, а другой мыслить. Одинъ больше занятъ настроеніями, которыя вызываетъ въ его душѣ реальная дѣйствительность, даетъ волю этимъ настроеніямъ и не заботится о томъ, чтобы привести свой душевный міръ въ соотвѣтствіе съ очевидной внѣшностью. Другой идетъ отъ дѣйствительности къ мысли и ищетъ объективныхъ путей для обобщенія этой дѣйствительности, для построенія идей. Область творчества одного ограничена, такъ какъ душевный міръ одного человѣка имѣетъ границы для выраженія передъ людьми. Область творчества реалиста безпредѣльна, такъ какъ безконечна жизнь и безконечны идеи и обобщенія, для которыхъ она служитъ матеріаломъ. Символистъ говоритъ о тѣхъ исключительныхъ, лично ему свойственныхъ настроеніяхъ и душевныхъ переживаніяхъ, которыя въ силу своей исключительности недоступны или малодоступны другимъ. Реалистъ создаетъ идеи и говоритъ о душевныхъ переживаніяхъ, которыя повторяются у многихъ по поводу однихъ и

тѣхъ же явленій дѣйствительности. Мечта труднѣе передаваема, чѣмъ мысль. Мыслятъ многіе одинаково, грезить каждый по-своему. Для индивидуальнаго настроенія, для жизни души нѣтъ выраженія въ словѣ, потому что слово есть условный знакъ многихъ, обозначеніе явленія или идеи, которую многіе воспринимаютъ одинаково. Вотъ почему реалистъ можетъ творить, а послѣдовательный символистъ долженъ молчать. Нельзя слѣпому рассказать о свѣтѣ, а глухому — о звукѣ. Нельзя словами передать состоянія души, переживаемыя однимъ и никѣмъ больше. И лучшіе символисты понимали это. Они знали, что мечтатель долженъ молчать, а не говорить. Метерлинкъ считалъ молчаніе высшей формой общенія душъ. Лордъ Генри говоритъ Доріану Грею: „Я радъ, что ты никогда ничего не сдѣлалъ, не изваялъ статуи, не написалъ картины и вообще ничего не создалъ. Твоимъ искусствомъ была жизнь... Твои дни были твоими сонетами“. Самъ творецъ Доріана Грея говорилъ, что жизни онъ отдалъ свой геній, а произведеніямъ — только талантъ. Онъ зналъ, что высказанное ниже живущаго въ душѣ мечтателя. Тютчевъ, величайшій изъ русскихъ символистовъ, написалъ только небольшой томикъ стиховъ. Онъ зналъ, что пишетъ „для немногихъ“, и зналъ, что его не будетъ читать большая публика. Символистъ, живущій своей мечтой и для себя, долженъ отказаться отъ воздѣйствія на чужіе умы и сердца путемъ слова, потому что самая попытка общенія съ ними посредствомъ словъ для него уже есть противорѣчіе съ самимъ собою. Тютчевъ понималъ это и пропѣлъ безсмертный гимнъ безмолвію мечтателя, именно мечтателя-символиста, потому что идеи могутъ обращаться между людьми, но необузданная мечта слишкомъ субъективная, слишкомъ удаленная отъ дѣйствительности, непередаваема,

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пуškai въ душевной глубинѣ
И всходятъ, и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи:
Любуйся ими и молчи!

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

Лишь жить въ себѣ самомъ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи.
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Таковы истинные поэты - символисты. Они знаютъ, что ничто или очень небольшое изъ ихъ внутренняго міра можетъ стать общимъ достояніемъ. И они не выходятъ на улицу, не объявляютъ себя пророками и учителями. Они живутъ для себя, внимаютъ пѣнью таинственно волшебныхъ думъ, любятъ своими мечтами и боятся „наружнаго шума“. Тютчевъ намъ ясенъ. Онъ не путаетъ понятій „мысль“ и „мечта“, не говоритъ объ „изученіи людскаго потока“ и „символическомъ созерцаніи“ какъ двухъ уживающихся рядомъ способахъ художественнаго воспріятія. Тютчевъ не измѣнилъ себѣ. Онъ пришелъ и ушелъ со своей мечтой, не позаботившись о томъ, чтобы объяснить свою душу людямъ. Поэты правы въ своемъ одиночествѣ, но правы и люди, которые не хотятъ читать объ исключительномъ и непонятномъ, потому что „у всякаго своя есть повѣсть“, каждый самъ переживаетъ въ своей душѣ слишкомъ много исключительнаго и непередаваемого. Вотъ почему даже то небольшое, что можетъ сказать и передать міру поэтъ - символистъ, будетъ

ниже того, что живетъ въ душѣ всякаго человѣка. Этого не понимаютъ современные символисты съ ихъ претенціозной жаждой вліянія и славы, съ ихъ чисто земнымъ самолюбіемъ.

Бальмонту мы должны быть благодарны. Его первые сбсрники прекрасны. Они — новое слово въ изображеніи утонченныхъ настроеній и состояній души. Они — почти все, что сдѣлано современными нашими символистами и декадентами въ области поэзіи. Онъ рассказалъ намъ о томъ пути, которымъ отъ гнетущаго, почти андреевскаго пессимизма онъ вышелъ въ свѣтлую сферу мечты. Онъ имѣлъ право сказать о своемъ творествѣ: „Оно началось, это дѣящееся, только еще обозначившееся творчество съ печали, угнетенности и сумерекъ. Оно началось подъ сѣвернымъ небомъ, но, силой внутренней неизбѣжности, черезъ жажду безграннаго, Безбрежнаго, черезъ долгія скитанія по пустыннымъ равнинамъ и проваламъ Тишины, подошло къ радостному Свѣту, къ Огню и побѣдительному Солнцу... Отъ безцвѣтныхъ сумерекъ къ красочному Маю, отъ робкой угнетенности къ Царицѣ-Смѣлости съ блестящими зрачками, отъ скудости къ роскоши, отъ стѣнъ и запретовъ къ Цвѣтамъ и Любви, отъ незнанія къ счастью вѣчнаго познанія, отъ гнета къ глубокому вздоху освобожденія, къ этой радости видѣть и ласкать своимъ взоромъ еще новое, вотъ еще и еще безъ конца“.

Послѣдніе томы бальмонтовскихъ стиховъ вычурны и стары. Не новыя звенья куетъ онъ, а слабѣющей рукой перековываетъ стильныя, твердыя старыя звенья. Ему нечего больше сказать міру. И въ этомъ его трагическое сходство съ Андреевымъ. Оба они начали съ тоскливаго вопроса Небу. Оба пренебрегли землей. И оба погрузились въ свой внутренній міръ. Одинъ нашелъ тамъ ужасъ. Другой — солнце. Одинъ выразилъ этотъ ужасъ, другой пропѣлъ гимнъ Солнцу.

И оба не умолкли во-время. И оба говорят теперь скучно и монотонно, иногда бессильно пытаюсь замѣнить вычурными выдумками отсутствіе новыхъ звуковъ души. Но не будемъ судить поэтовъ, будемъ лучше благодарны имъ за то, что они дали положительнаго, за тѣ уголки въ душѣ современнаго человѣка, которые они озарили. За „Жили-были“ и „Гуду“ Андрееву можно простить „Анатѣму“ и даже „Анфису“. За музыку стиховъ въ сборникахъ „Подъ сѣвернымъ небомъ“ и „Только любовь“ можно простить Бальмонту „Слова поцѣлуйныя“...
